

вспыхнула, но глаз не опустила. Только сказала голосом, идущим, казалось, из глубины сердца: «Приезжайте!».

Прошли годы. Прошло несколько поколений. И вот в Москве, в Трубниковском переулке, у правнука декабриста Андрея Евгеньевича Розена — Владимира Николаевича Владимировича я встретил его внука Викторию. Природе было угодно повторить Анну!..

В довольно большой комнате — старинная мебель. На стенах картины, фотографии в темных рамках. Мне было тепло и уютно среди всей этой старины, радужных, простых, интеллигентных хозяев этой квартиры.

— Это Умберто Августович Мазетти, — задумчиво сказала мне Павла Мионовна, жена Владимира Николаевича, заметив мое внимание к портрету, что висел подле фортепиано.

— Мазетти? Учитель Неждановой и Обухова?

— Да, я тоже закончила консерваторию по его классу...

На книжном шкафу бюст молодого офицера с энергичным лицом и бакенбардами — это прадед, дека-

брист — мать Владимира Николаевича. Часто потом под разными предлогами звал дочь к себе в Викину (на Украине), чтобы повозиться с девочкой.

«Милой и доброй Вареньке» — подписывал он ей свои фотонаблюдения. И внучка сохранила их — эти драгоценные для нас теперь реликвии.

До последнего времени в этой семье хранились старинные фамильные часы Розенов и шкатулка Анны Васильевны, что была с ней в Сибири, — все это они передали в музей. Единственно, с чем не хотят расставаться, так это с великолепным серебряным медальоном, внутри которого — цветной портрет юной Анны. Когда тюремщики в Петропавловской крепости пытались снять его с Розена, тот заявил: «Только через мой труп!». Доложили Николаю I. Оставили.

— Мама умерла в 1944 году в Москве... Она мне много рассказывала о нашем дедушке...

— Владимир Николаевич, а бывали ли Вы сами в Викинине?

— Как же, как же, жил там. Мы приезжали туда с матерью из Екатеринослава.

Жизнь и самого Владимира Николаевича — это не написанная повесть. Это порыв, горение! Это страсть к самоотдаче: все, что в тебе есть лучшего, — людям! Так получилось, что в 1914 году он окончил юридический факультет Московского университета. Но... «логика разума» молчит, когда сердцем овладевает страсть: через четыре года молодой юрист блестяще заканчивает Московскую консерваторию по классу фортепиано — это был первый советский выпуск! Еще на старших курсах он был домашним аккомпаниатором Неждановой, встречался с Шалыпиным... После консерватории — Большой театр...

— Вопрос о профессиональных кадрах всегда актуален, но представьте себе, как он стоял в те далекие годы? Я перешел на преподавательскую работу... Он, один из первых музыкантов-педагогов, начал осваивать новый в те времена предмет музыкальной литературы; позже организовал методический кабинет московских музыкальных школ и несколько лет был его первым директором. Возглавлял музыкальный совет в музее Чайковского в Клину. Писал книги, выступал с лекциями о музы-

ке. Недавно заслуженный работник культуры РСФСР музыковед В. Н. Владимиров ушел на пенсию, а прошлым летом, точнее — 6 августа, ему исполнилось 80.

В этой квартире властвует одна царица — музыка! Может быть, потому я и не удивился, узнав, что Виктория — родные зовут ее Виттой — тоже влетает в ее корону свои пассажи: она получила домашнее музыкальное воспитание, в 10 лет написала уже несколько интересных вещей в сонатной форме...

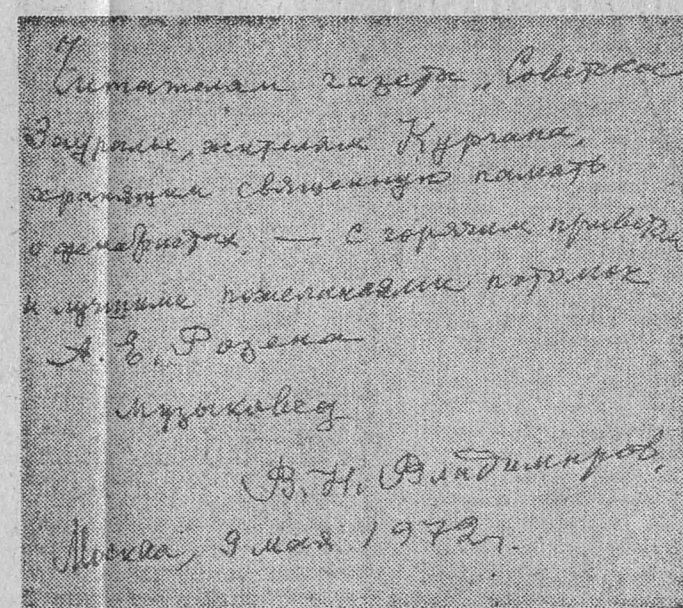
— Наверное, это у вас в крови, наследственное, — говорю я, вспомнив о музыкальных вечерах у М. М. Нарышкина в Кургане, где господствовал Бетховен и Россини. «Жаль только, любезная матушка, — писал Нарышкин своей теще А. И. Коновницкой, — что наша дорогая Анна Розен лишена всего этого — она не может оставить ни на минуту своих милых малюток... Мы решили, как потеплеет, перевезти фортепиано на время к ней в дом».

— Наследственное? — с улыбкой переспрашивает Владимир Николаевич. — Хотя, если взять во внимание, что я поступил на юридический... Однако же, тут все наоборот... Бросил!.. — Он смотрит на внучку. Витта пожимает плечами: дескать, каждому свое!.. Да, свое! Влияние нашего времени, космоса и электроники оказалось сильнее наследственных генов: она учится в институте на факультете... энергетике и ядерной физике! Впрочем, это не мешает ей любить музыку.

Годы есть годы, их свинцовая тяжесть не становится легче от того, что ты не успел что-то завершить в жизни... Но порой я ловил себя на мысли, что совершенно забываю дистанцию лет между мною и моим собеседником — ее попросту нет! Голос звонок, лицо вдохновенно, блеск в глазах!..

— Завтра лекция у студентов... — Лекция? Да, да! Формально — он персональный пенсионер, а по сути также весь в работе. Читает лекции, так же сидит часами за письменным столом, как и десять, и двадцать, и шестьдесят лет назад — работает над очередной книгой о музыке для старших классов общеобразовательных школ.

— Пока живу — буду работать, — говорит Влади-

мир Николаевич. — Такое время!.. Такие люди! Такая молодежь!.. В гармоническом обществе, к которому мы идем, музыка будет занимать очень большое место...

И снова я обращаюсь к письмам его прадеда. Розену под 80 лет. То одна, то другая болезнь валит его: немеют ноги, обручем стягивает голову, отказывают глаза. Но в часы затишья старый декабрист добирается до своего кресла, берет в руки перо, и ложится на бумагу строка к строке. Одно желание — оставить правду потомкам. Правду? Неужели он еще так наивен, что верит престолу? Нет, не верит! Он, побеждая болезнь, едет в Дирп, в Штутгарт, в Лейпциг. Он живет у знакомых, родных, в гостиницах и работает над книгой о декабристах. Чтобы избежать российской цензуры, он издает ее в Лейпциге. На русском языке! Потом сам переводит на немецкий, на французский, а потом и на английский языки.

Он едет в Петербург, встречается с Н. А. Некрасовым о напечатании своих мемуаров в журнале «Отечественные записки». А сколько заметок, статей написано им в память своих товарищей, в их защиту! Он первый открыл России поэта-декабриста Олевского, собрав его стихи и выпустив их отдельной книжкой (при издании Олевского не было напечатано ни строки его стихов).

Он спешит: «Из курганских ссыльных наших рядов остались на земле мы только двое, — пишет он последнему своему живому другу М. А. Назимову. — Чем время труднее и горизонт мрачнее, тем более задаюсь здесь работой, пока глаза еще служат... Пока жив, готов на все». А какую удивительную приписку к этому письму сделала его подруга, верная спутница и не-

обыкновенная жена Анна: «...непростительно говорить о (своей — Б. К.) болезни, когда теперь такие болезни, страдания и бедствия в мире!».

... В доме тишина. За окном уже сумерки. Лишь иногда слышно хлопанье крыльев и воркованье голубей на крыше.

— Что играли у Нарышкина и Розена в Кургане? Бетховена? — Владимир Николаевич некоторое время сидит перед клавиатурой фортепиано неподвижно (смотрим фотографию), потом мягко опускает на нее руки... и все потонуло, исчезло. Все было «там», в глубине стонущего сердца... То была гениальная Sonata quasi una Fantasia. Реквием любви!

Он подписывает несколько своих книг — дарит их курганцам. А на одной обратил к молодежи — к тем, кто любит музыку. Эти книги, вы, уважаемые читатели, увидите в нашем музее декабристов. В блокноте же моем написал те слова, что на следующем снимке.

— Я приеду к вам! — говорит Владимир Николаевич. — И не только на открытые музея декабристов, но и чтобы выступить о музыке... Когда? Когда пригласите. Я обязательно приеду, непременно!

Б. КАРСОНОВ,
искусствовед.
Фото автора.

Москва—Курган.

ПОТОМКИ

Приближается 150-летие со дня восстания декабристов. И все больший интерес у наших читателей проявляется к этим людям, многие из которых были связаны дальнейшей своей судьбой с Курганом.

Автор этого очерка уже не раз выступал с материалами о декабристах на страницах газеты. В последнее время, готовя книгу о декабристах, он много работал в архивах, встречался с потомками «государственных преступников».

Отрывки из писем, которые приводятся здесь, публикуются впервые.

Едва я свернул с Нового Арбата, официально именуемого теперь проспектом Калинина, как сразу — после простора, света и стекла очутился в старинном узком переулке. Вот и его дом. Пуговка звонка. Открывается дверь. Ну, конечно, это он! Я его узнал сразу, хотя видел всего однажды, неделю назад, на маленькой фотонаблюдке в Изюмском музее, что на Харьковщине. Сухощав, подтянут, строен, говорит с неким налетом ар-

тистизма в интонациях. — Да, да, — говорит он, — мы вас ждем, пожалуйста вот сюда. — Он открывает дверь в комнату. Но в этот момент в коридор выходит девушка, и я, пораженный, останавливаюсь...

Я увидел... Анну! Анну Розен! Нет-нет, тогда еще она была не Розен, а Малиновская.

грудной голос. Я чувствовал ее слезы и радость, мне знакомы многие ее привычки. И именно вот такой, только такой и была она тогда, в тот дождливый вечер, когда в доме дяди Павла Федоровича Малиновского в Петербурге ее впервые увидел поручик барон Андрей Розен. В те дни Андрей хандрил. Под окнами под встречным ветром нервно кипела Нева. Вечером заехал к нему друг и сослуживец по полку штабс-капитан Иван Васильевич Малиновский — да, тот самый, товарищ Пушкина по лицей! — почти насильно усадил в пролетку и увез к себе, вернее, к своему дяде. Там и познакомил с сестрой Анной. Нежный, почти детский овал лица, гладкая прическа, заколотая тонкой булавкой с бриллиантом — подарок тети к совершеннолетию. А большие открытые глаза смотрели так мягко, так доверчиво!..

— Я надеюсь, что мы еще встретимся, — сказал ей на прощание молодой поручик, поднося к своим губам ее тонкие прохладные пальцы. И тут же заметил, как дрожит его рука. Он смутился, Анна тоже

риет Розен.

У меня такое чувство, что как будто мы давно-давно знакомы и что нам никогда не переговорить обо всем! Получилось некоторое смещение: Владимир Николаевич посвящал меня в свою семейную хронику, я же рассказывал все более о его прадеде и о прабабушке, читал их письма: о Кургане, где 6 сентября 1836 года родилась у Розена единственная дочь, в честь тетки Анны Андреевны Самборской девочку назвали Анной, но родные всю жизнь звали ее — Инной. Ина — бабушка Владимира Николаевича.

Розен очень любил свою дочь и охотно бывал у нее в Смоленске — она жила там с мужем. «Будешь ехать, не минуя Смоленска, остановись у моей Ины, она ждет тебя», — советовал он своему другу, декабристу М. А. Назимову в Псков. И Назимов заезжал. «Ина и муж ее в восхищении от твоего посещения», — снова пишет Розен.

Необычайно обрадовался Розен, когда появилась у него очаровательная внучка Ва-